

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Язвительный
(Рассказы)

Содержание

1.....	0005
2.....	0007
3.....	0011
4.....	0013
5.....	0016
6.....	0025
7.....	0033
8.....	0040

Николай Лесков
Язвительный
Рассказ чиновника особых
поручений

При прежнем губернаторе у нас не позволялось курить в канцелярии. Старшие чиновники обыкновенно куривали в маленькой комнатке, за правительским кабинетом, а младшие – в сторожке. В этом курении у нас уходила большая половина служебного времени. Я и мои товарищи, состоявшие по особым поручениям, не обязаны были сидеть в канцелярии и потому не нуждались вовсе в канцелярских курильных закоулках; но все-таки каждый из нас считал своею обязанностью прийти покоптить папиросным дымом стены комнаты, находившейся за правительским кабинетом. Эта комната была для нас сборным местом, в которое всякий спешил поболтать, посплетничать, посмеяться и поговорить.

Один раз, наработавшись вволю над пересмотром только что оконченного мною следствия, я вышел прогуляться. День был прекрасный, теплый, с крыш падали капли, и на перекрестках улиц стояли лужи. Шаг за шагом я дошел до канцелярии и вздумал зай-

ти покурить. Правитель был с докладом у губернатора. В комнате за правительским кабинетом я застал двух помощников правителя, полицмейстера и одного из моих товарищей, только что возвратившегося с следствия из дальнего уезда. Пожав поданные мне руки, я закурил папироску и сел на окно, ничем не прерывая беседы, начатой до моего прихода. Возвратившийся молодой чиновник особых поручений с жаром рассказывал об открытых им злоупотреблениях по одному полицейскому управлению. В рассказе его собственно не было ничего занимательного, и рассказом этим более всех был заинтересован сам рассказчик, веровавший, что в нашей административной организации обнаружить зло — значит сделать шаг к его искоренению. Из помощников правителя один еще кое-как слушал этот рассказ, но другой без церемонии барабанил по окнам пальцами, а полицмейстер, оседлав ногами свою кавалерийскую саблю, пускал из-под усов колечки из дыма и как бы собирался сказать: «Как вы, дитя мое, глупы!»

Среди таких наших занятий растворилась дверь, соединявшая комнатку с правительским кабинетом, и правитель проговорил кому-то:

– Вот наш клуб. Прошу вас здесь покурить; а я сейчас отделаюсь и буду к вашим услугам.

В двери показался высокий плотный блондин, лет сорока, в очках, с небольшою лысиною и ласковым выражением в лице.

– Господин Ден, – проговорил правитель, рекомендуя нам введенного им господина. – Господин Ден приехал, господа, с полномочи-ем князя Кулагина на управление его имени-ями. Прошу вас с ним познакомиться. Это мои сотрудники N, X, Y, Z, – отрекомендовал нас правитель господину Дену. Начались рукожата и отрывочные: «очень рад, весьма приятно» и т. д.

Правитель с полицмейстером вышли в кабинет, а мы опять начали прерванный кейф.

– Вы давно в наших краях? – спросил Дена мой молодой товарищ, слывший за светского человека.

– Я первый раз в здешней губернии, и даже только со вчерашнего дня, – отвечал г-н Ден.

– Да; я не то спросил. Я хотел сказать: вы уже знакомы с нашей губернией?

– Не знаю, как вам сказать, – и да и нет. Я знаком с имениями князя по отчетам, которые мне предъявляли в главной конторе, и по рассказам моего доверителя. Но... впрочем, я полагаю, что ваша губерния то же самое, что и Воронежская и Полтавская, в которых я управлял уже княжескими имениями.

– Ну, не совсем, – отозвался один помощник правителя канцелярии, слышший у нас за политико-эконома.

– В чем же резче всего проявляются особенности здешней губернии? – отнесся к нему Ден. – Я буду много обязан вам за ваши опытные указания.

– Да во многом.

– О, я не смею спорить; но мне бы хотелось узнать, на чем именно я могу споткнуться, если буду держаться здесь системы управления, принятой мною с моего приезда в Россию? Я тех убеждений, что неуклонная система всегда достигает благих целей.

Политико-эконом не ответил на этот вопрос Дену, потому что молодой чиновник перебил его вопросом:

– А вы давно в России?

– Седьмой год, – отвечал Ден.

– Вы... если не ошибаюсь... иностранец?

– Я англичанин.

– И так хорошо говорите по-русски.

– О да. Я еще в Англии учился по-русски, и теперь опять седьмой год изо дня в день с крестьянами; что ж тут удивительного!

– Вы свыклись и с нашим народом и с нашими порядками?

– Кажется, – улыбаясь, ответил Ден.

– Имена князя в нашей губернии не цветут.

– Да, я это слышал.

– Вам будет много труда.

– Как везде. Без труда ничего не двинешь.

– Может быть, побольше, как в другом месте.

– Ничего-с. Нужна только система. Не нужно быть ни варваром, ни потатчиком, а вести дело систематически, твердо, настойчиво, но разумно. Во всем нужна система.

– Где же вы намерены основать свою резиденцию? – спросил политико-эконом.

– Я думаю, в Рахманах.

– Отчего же не в Жижках? Там покойная княгиня жила; там есть и готовый дом и прислуга; а в Рахманах, мне кажется, ничего нет, – заметил молодой чиновник.

– У меня на это есть некоторые соображения.

– Своя система, – смеясь, вставил помощник правителя.

– Именно.

Правитель с шляпой на голове отворил двери и сказал Дену: «Едем-с!»

Мы пожали опять друг другу руки и расстались.

Село Рахманы находится в соседстве с Гостомельскими хуторами, где я увидел свет и где жила моя мать. Между хуторами и селом всего расстояния считают верст девять, не более, и они всегда на слуху друг у друга. Заезжая по делам службы в К—ой уезд, я обыкновенно всегда заворачивал на хутора, чтобы повидаться с матушкой и взглянуть на ее утлое хозяйство. Мать моя познакомилась с Стюартом Яковлевичем Деном и с его женою и при всяком свидании со мной все никак не могла нахвалиться своими новыми соседями. Особенно она до небес превозносила самого Дена.

— Вот, — говорила она, — настоящий человек; умный, рассудительный, аккуратный. Во всем у него порядок, знает он, сколько можно ему издержать, сколько нужно оставить; одним словом, видно, что это человек не нашего русского, дурацкого воспитания!

Другие соседи тоже были без ума от Дена. Просто в пословицу у них Ден вошел: «Ден говорит, так-то надо делать; Ден так-то не сове-

тует», и только слов, что Ден да Ден. Рассказам же и анекдотам про Дена и конца нет. Повествуют, как все отменилось в княжеских имениях с приезда Стюарта Яковлевича, все, говорят, на ноги поднял; даже отъявленных воров, которых в нашем крае урожай, и тех определил в свое дело. Да еще так: самых известных лентяев поделал надсмотрщиками по работам; а воров, по несколько раз бывших в остроге, назначил в экономы, в ключники да в ларечники, и все идет так, что целый округ завидует. «Вот, – думаю себе, – дока-то на наших мужиков явился!»

Хотелось мне самому посмотреть на рахманские диковины, да все как-то не приходилось. А тем временем минул год, и опять наступила зима.

Вечером 4 декабря жандарм принес мне записку, которою дежурный чиновник звал меня позже, в одиннадцать часов, к губернатору.

– Вы, кажется, здешний уроженец? – спросил меня губернатор, когда я вошел к нему по этому зову.

Я отвечал утвердительно.

– Вы живали в К—ом уезде?

– Я там, – говорю, – провел мое детство. К—ой уезд мое родное гнездо.

– И у вас там много знакомых? – продолжал спрашивать губернатор.

«Что за лихо!» – подумал я, выдерживая этот допрос, и отвечал, что я хорошо знаю почти весь уезд.

– У меня к вам есть просьба, – начал губернатор. – Пишет мне из Парижа князь Кулагин, что послал он в свои здешние имения англичанина Дена, человека сведущего и давно известного князю с отличной стороны, а между тем никак не огребется от жалоб на него. Сделайте милость, – не в службу, а в дружбу:

съездите вы в К—ой уезд, разузнайте вы это дело по совести и дайте мне случай поступить по совести же.

Поехал я в город К. в эту же ночь, а к утреннему чаю был у моей матери. Там о жалобах к—ских крестьян на Дена и слуху нет. Спрашиваю матушку: «Не слышали ли, как живут рахманские мужики?»

– Нет, мой друг, не слыхала, – говорит. – А впрочем, что им при Стюарте Яковлевиче!

– Может быть, – говорю, – он очень строг или горяч?

– В порядке, разумеется, спрашивает.

– Сечет, может, много?

– Что ты! что ты! Да у него и розог в помине нет! Кого если и секут, так на сходке, по мирской воле.

– Может быть, он какие-нибудь другие свои делишки неаккуратно ведет?

– Что ты начать-то хочешь?

– Как, говорю, – он к красненьким повязочкам равнодушен ли?

– О, полно, сделай милость, – проговорила мать и плюнула.

– Да вы чего, матушка, сердитесь-то?

– Да что ж ты глупости говоришь!

– Отчего же глупости? Ведь это бывает.

– Подумай сам: ведь он женатый!

– Да ведь, родная, – говорю, – иной раз и женатому невесть что хуже холостого снится.

– Эй! поди ты! – опять крикнула мать, плохо скрывая свою улыбку.

– Ну чем же nibудь он да не угодил на крестьян?

– Что, мой друг, чем угождать-то! Они галманы были, галманы и есть. Баловство да воровство – вот что им нужно.

Объехал два, три соседние дома, – то же самое. На Николин день в селе ярмарка. Зашел на поповку, побеседовал с духовными, стараясь между речами узнать что-нибудь о причинах недовольствия крестьян на Дена, но от всех один ответ, что Стюарт Яковлевич – такой управитель, какого и в свете нет. Просто, говорят, отец родной для мужика. Что тут делать? Верно, думаю себе, в самом деле врут мужики.

Так приходилось ни с чем и ехать в губернский город.

В городе К. я заехал, без всякой цели, к старому приятелю моего покойного отца, купцу Рукавичникову. Я хотел только обогреться у старика чайком, пока мне приведут почтовых лошадей, но он ни за что не хотел отпустить меня без обеда. «У меня, – говорит, – сегодня младший сынок именинник; пирог в печи сидит; а я тебя пуцую! И не думай! А то вот призову старуху с невестками и велю кланяться».

Надо было оставаться.

– Тем часом пойдем чайку попьем, – сказал

мне Рукавичников.

Нам подали на мезонин брюхастый самовар, и мы с хозяином засели за чай.

– Ты что, парень, был у нас волей, неволей или своей охотой? – спросил у меня Рукавичников, когда мы уселись и он запарил чай и покрыл чайник белым полотенцем.

– Да и волей, и неволей, и своей охотой, Петр Ананьич, – отвечал я.

Я знаю, что Петр Ананьич человек умный, скромный и весь уезд знает как свои пять пальцев.

– Вот, – говорю, – какое дело, и пустое, да и мудреное, – и рассказал ему свое поручение.

Петр Ананьич слушал меня внимательно и во время рассказа несколько раз улыбался; а когда я кончил, проговорил только:

– Это, парень, не пустое дело.

– А вы знаете Дена?

– Как, сударь, не знать!

– Ну, что о нем скажете?

– Да что ж о нем сказать? – проговорил старик, разведя руками, – хороший барин.

– Хороший?

– Да как же не хороший!

- Честный?
- И покору ему этим нет.
- Строг уж, что ли, очень?
- Ничего ни капли не строг он.
- Что ж это, с чего на него жалуются-то?
- А как тебе сказать... очень хорош, – похуже надо, вот и жалобы. Не по нутру мужикам.
- Да отчего не по нутру-то?
- Порядки спрашивает, порядки, а мы того терпеть не любим.
- Работой, что ли, отягощает? – все добиваюсь я у Рукавичникова.
- Ну какое отягощение! Вдвое против прежнего им теперь легче... А! да вот постой! вон мужичонко рахмановский чего-то приплелся. Ей! Филат! Филат! – крикнул в форточку Рукавичников. – Вот сейчас гусли заведем, – прибавил он, закрыв окно и снова усевшись за столик.

В комнату влез маленький подслеповатый мужичок с гноящимися глазками и начал креститься на образа.

- Здравствуй, Филат Егорыч! – сказал Рукавичников, дав мужику окреститься.
- Здравствуй, батюшка Петр Ананьич.

- Как живешь-можешь?
- Ась?
- Как, мол, живешь?
- А! Да все сла те богу живем.
- Дома все ли здорово?
- Ничего будто, Петр Ананьич; ничего.
- Всем, значит, довольны?
- Ась?
- Всем, мол, довольны?
- И-и! Чем довольными-то нам быть.
- Что ж худо?
- Да все бог его знает; будто как не вольтгот-но показывается.
- Управитель, что ль, опять?
- Да, а то кто ж!
- Аль чем изобидел?
- Вот завод затеял строить.
- Ну?
- Ну и в заработки на Украину не пускает.
- Никого?
- Ни одного плотника не пустил.
- Это нехорошо.
- Какое ж хорошество! Барину жалились; два прошения послали, да все никакой еще лизирущии. нет.

– Поди ж ты горе какое! – заметил Рукавичников.

– Да. Так вот и маемся с эстаким с ворогом.

– Видите, какой мошенник ваш Ден! – сказал, обратясь ко мне, Рукавичников.

Мужик в меня воззрился.

– А вот теперь я вам расскажу, – продолжал мой хозяин, – какой мошенник вот этот самый Филат Егорыч.

Мужик не обнаружил никакого волнения.

– Господин Ден, ихний управляющий, человек добрейшей души и честнейших нравил...

– Это точно, – встрел мужичок.

– Да. Но этот господин Ден с ними не умеет ладить. Всё какие-то свои порядки там заводит; а по-моему, не порядки он заводит, а просто слабый он человек.

– Это как есть слабый, – опять подсказал мужичок.

– Да. Он вот у них другой год, а спросите: тронул ли он кого пальцем? Что, правду говорю или вру?

– Это так.

– Вот извольте видеть, им это не нравится.

Наказания его всё мягкие, да и то где-где соберется; работа урочная, но легкая: сделай свое и иди куда хочешь.

– Ступай, значит.

– Что?

– Сделаемши свое, – ступай, говорю, куда хочешь, – повторил мужичок.

– Да. Ну-с, а они вот на него жалобы строчат.

Мужик молчал.

– Ну а на заработки-то он их зачем же не пускает? – говорил я.

– Не пускает-с, не пускает. А вы вот извольте расспросить Филата Егоровича: много ли ему его сыночек за два года из работы принес. Расскажи-ка, Филат Егорыч.

Мужичок молчал.

– А принес ему, сударь мой, его сыночек украинскую сумку, а в ней сломанную аглицкую рубанку, а молодой хозяйке с детками французский подарочек, от которого чуть у целой семьи носы не попроваливались. Вру, что ль? – опять обратился Рукавичников к мужичку.

– Нет, это было.

– Да, было. Ну-с, а Стюарт Яковлевич задумал завод винный построить. Я его за это хвалю; потому что он не махину какую заводит, а только для своего хлеба, чтоб перекурить свой хлеб, а бардой скотинку воспитать. Приходили к нему разные рядчики. Брали всю эту постройку на отряд за пять тысяч, он не дал. Зачем он не дал?

– Мы этого знать не можем, – отвечал Филат Егорыч.

– Нет, врешь, брат, – знаешь. Он вам высчитывал, что с него чужие просят за постройку; выклагодал, почему вам обходится месяц платою у подрядчика, и дал вам рублем на человека в месяц дороже, только чтоб не болтались, а дома работали.

– Это такая говорка точно была.

– То-то, а не не можем знать. Ну а они вот теперь небось настрочили, что на работу не пускает, все на заводе морит; а насчет платы ни-ни-ни. Так, что ль?

– Не знаю я этого.

– Да уж это как водится. Вот вам и Филат Егорыч, старый мой друг и приятель! Любите-жалуйте его.

Мужичок ослабился.

– А вот меня бы вам в управители! – шутливо продолжал Рукавичников. – А приняли б вы меня?

– Да с чего ж?

– И никогда бы мы не ссорились; все бы у нас по-любезному пошло. Потому что порядок бы у нас душевный был. Ты, Филат Егорыч, пробаловался – на клин тебя, молодой парень какой где проворовался или что другое – за виски его посмыкал; раздобылся чем таким на Украине, вроде вот Филата Егорыча сынка, ну – в больницу его, а потом покропил березовым кропильцем, да и опять пущай. Так, что ли, Филат Егорыч?

– По-нашему так.

– Ну вот! Ведь я знаю.

Мужичка отпустили.

– Что же это такое однако? – спрашивал я Рукавичникока.

– А вот видишь сам, сударь мой. Господин Ден человек хороший, да мой бы совет ему уходить отсюда, а не то они ему подведут машину.

Рассказал я это дело губернатору во всей

подробности. Губернатор просто на стену прыгает: сам он был администратор и несказанно восхитился, что в его губернии завелся такой сельский администратор, как Стюарт Яковлевич Ден.

В пятницу на масленице у губернатора были званые блины. Весь город почти собрался. За столом дежурный чиновник подал губернатору конверт. Губернатор сорвал печать, прочел бумагу и отпустил дежурного с словом: хорошо! Но видно было, что что-то совсем не хорошо.

Вставши из-за стола, губернатор поговорил кое с кем из гостей и незаметно вышел с правителем в кабинет, а через четверть часа и меня туда позвали. Губернатор стоял, облокотясь на свою конторку, а правитель что-то писал за его письменным столом.

— Скверное дело случилось, — сказал губернатор, обратясь ко мне. — В Рахманах бунт.

— Как бунт?

— Да вот читайте.

Губернатор подал мне с конторки бумагу, полученную им за обедом. Это было донесение к—ского исправника, писавшего, что вчера рахманские мужики взбунтовались против своего управителя, сожгли его дом, завод и мельницы, а самого управляющего избили

и выгнали вон.

– Я сейчас посылаю вас в Рахманы, – сказал губернатор, когда я пробежал донесение исправника. – Сейчас получите открытое предписание к инвалидному начальнику, берите команду; делайте что́ нужно, но чтоб бунта не было и чтоб виновные были открыты. Собирайтесь скорее, чтоб к утру быть на месте и идти по горячим следам.

– Позвольте мне не брать команды, – сказал я губернатору. – Я там всех знаю и надеюсь без команды исполнить ваше поручение: команда мне только помешает.

– Это как знаете, но про всякий случай возьмите предписание к инвалидному начальнику.

Я поклонился и вышел, а через четыре часа уже пил чай у к—ского исправника, с которым должен был вместе ехать в Рахманы. От города К. до Рахманов всего верст пятнадцать, и мы приехали туда ночью. Остановиться было негде. Управительский дом, контора, людская, прачечная, мастерские – все было сожжено вместе с заводом и мельницами, и по черным грудам теплого пепелища еще кое-

где вились синие струйки дыма от тлеющих головней. Поместились в избе у старосты и послали за становым. Утром ранехонько прибежал становой и привез с собой рахмановского мужика, Николая Данилова, взятого им вчера под арест по подозрению в поджоге завода и в возмущении крестьян к бунту.

– Что ж вы узнали? – спрашиваю я станового.

– Поджог был-с.

– Отчего вы это думаете?

– Загорелись ночью нежилые строения, и все сразу.

– Кого же вы подозреваете в поджоге?

Становой развел руками с выражением полнейшего недоумения.

– По какому поводу вы арестовали этого мужика?

– Николая Данилова-то-с?

– Да.

– Да так. Он был наказан в этот день Деном, грубил ему и к тому же ночью оставался у завода, который почти прежде всего вспыхнул.

– И только?

– Да, только-с. Других указаний нет. Мужики все запираются.

– Вы допрашивали кого-нибудь?

– Делал дознание.

– И ничего не узнали?

– Ничего пока.

Вошел староста и остановился у порога.

– Что скажешь, Лукьян Митрич? – спросил я.

– К твоей милости.

– То-то, почто к моей милости?

– Мужики собрались.

– Кто ж тебе приказывал их собирать?

– Сами собрались; хотят с тобой гуторить.

– Где ж они?

– Да вот туточка.

Староста указал на окно. Против окна стояла огромная толпа крестьян. Были и старики, и молодые, и середовые мужики; все стояли смиренно, в шапках, у некоторых были палки.

– Ого! сколько их, – сказал я, сохраняя все возможное спокойствие.

– Вся отчина, – заметил староста.

– Ну поди, Митрич, скажи им, что сейчас оденусь и выйду.

Староста ушел.

– Не ходите! – сказал мне становой.

– Отчего?

– Долго ль до греха.

– Ну, уж теперь поздно. Избяная дверь не спасет: если пришли недаром, так и в избе найдут.

Надел я шубу и вместе с исправником и с становым вышел на крылечко. Толпа зашаталась, шапки понемногу стали скидываться с голов, но нехотя, не разом, и несколько человек в задних рядах вовсе не скинули шапок.

– Здравствуйте, ребятушки! – сказал я, сняв шапку.

Мужики поклонились и прогудели: «Доброго здоровья!»

– Накройтесь, ребята; холодно.

– Ничего, – опять прогудели мужики, и остальные шапки с голов исчезли.

– Пожалуйста, покройтесь.

– Мы и так постоим.

– Наше дело привычное.

– Ну так я вам велю накрыться.

– Велишь, такое дело.

Один-два мужика надели шапки, за ними

надели и остальные.

Успокоился я. Вижу, что не ошибся, не взяв команды.

У самого крыльца стояли сани парой, и на них сидел Николай Данилов, с ногами, забитыми в березовую колодку. Он в черной свите, подпоясан веревкой и на голове меховая шапка. На вид ему лет тридцать пять, волосы темно-русые, борода клинушком, взгляд тревожный и робкий. Вообще лицо выражает какую-то подавленность, но спокойно и довольно благообразно, несмотря на разбитую губу и ссадину на левой скуле. Он сидит без движения и смотрит то на меня, то на толпу.

– Что же вам, ребята, от меня желается? – спросил я сходку.

– Это ты будешь от губернатора-то? – спросил меня передовой мужик из переднего ряда.

– Я.

– Ты чиновник?

– Чиновник.

– Губернаторский?

– Да.

– Ну-к мы с тобой хотим побалакать.

– Извольте. Я вот слушаю.

– Нет, ты сойди оттолева, с крыльца-то. Мы с тобой с одним хотим поговорить.

Я не задумываясь вошел в толпу, которая развернулась, приняла меня в свои недра и тотчас же опять замкнулась, отрезав меня, таким образом, от исправника и станового.

Середовой мужик, пригласивший меня сойти, стоял передо мною.

– Ну о чем будем говорить? – спросил я.

– Мы потому тебя сюда и истребовали, что ты наш, тутошний, притоманный.

– О чем же хотели говорить?

– Да вот по этому делу-то.

Послышалось несколько вздохов со всех сторон.

– Зачем вы выгнали управителя?

– Он сам уехал.

– Еще бы! как вы его мало что не убили.

Молчат.

– Что теперь будет-то?

– Вот то-то мы тебя и потребовали, чтоб ты нам рассказал: что нам будет?

– Каторга будет.

– За управителя-то?

– Да, за управителя; за поджог; за бунт: за все разом.

– Бунта никакого не было, – проговорил кто-то.

– Да это что, ребята! отпираться теперь нечего, – сказал я. – Дела налицо; сами за себя говорят. Будете запирайтесь, пойдут допросы да переспросы, разовретесь и все перепутаетесь. А вы б подумали, нельзя ли как этому делу поумней пособить.

– Это точно, – буркнули опять несколько голосов.

– То-то и есть. А теперь прощайте! Говорить нам, стало, уж не о чем.

Я тронул рукою одного мужика, он посторонился, а за ним и другие дали мне дорогу.

Начались допросы. Первого стали спрашивать Николая Данилова. Перед допросом я велел снять с него колодку. Он сел на лавку и равнодушно смотрел, как расклиняли колодку, а потом так же равнодушно встал и подошел к столу.

– Что, дядя Николай! Экое дело вы над собой сделали! – сказал я арестанту.

Николай Данилов утер рукавом нос и ни слова не ответил.

– Что ж ты за себя скажешь?

– Что говорить-то? Нечего говорить, – произнес он с сильным дрожанием в голосе.

– Да говори, брат: как дело было?

– Я ведь этого дела не знаю и ни в чем тут не причинен.

– Ну расскажи, что знаешь.

– Я только всего и знаю, что с самим со мной было.

– Ну, что с тобой было?

– Озорничал надо мной управитель.

– Как же он озорничал?

– Да как ему хотелось.

- Бил, что ль?
 - Нет, бить не бил, а так... донимал очень.
 - Что ж он над тобой делал?
 - Срамил меня несносно.
 - Как же так срамил он тебя?
 - Он ведь на это документчик у нас.
 - Да ты говори, Николай, толком, а то я и отступлюсь от тебя, – сказал я, махнув рукой.
- Николай подумал, постоял и сказал:
- Позвольте сесть. У меня ноги болят от колодки.
 - Садись, – сказал я и велел подать обвиняемому скамейку.
 - Просился я в работу, – начал Николай Данилов, – просился со всеми ребятами еще осенью; ну он нас в те поры не пустил. А мне бесприменно надуть было сходить в Черниговскую губернию.
 - Деньги, что ли, остались за кем там?
 - Нет.
 - Что же?
 - Так; другое дело было.
 - Ну!
 - Ну не пустил. Заставил на заводе работать. Я поработал неделю, да и ушел.

– Куда?

– Да туда же, куда сказывал.

– В Черниговскую губернию?

– Ну да.

– Что ж у тебя за дело такое там было?

– Водку дешевую пить, – подсказал становой.

Николай ничего не отвечал.

– Ну что ж дальше было?

– А дальше зариштовали меня в Корилевце, да пригнали по пересылке в наш город, и, пригнамши, сдали управителю.

– Без наказания?

– Нет, наказали, а опосля ему отдали. Он меня сичас опять на работу приставил, а я тут-то ден десять назад опять ушел, да зашел в свою деревню, в Жогово. Ну, там меня бурмистр сцапал, да опять к управителю назад.

– Что ж он, как привезли тебя к нему?

– Велел на угле сидеть.

– Как на угле?

– А так. Ребята, значит, работают, а я чтоб на угле, на срубе перед всем перед миром сложимши руки сидел. Просил топора, что дайте рубить буду. «Нет, говорит, так сиди».

– Ну, ты и сидел?

– Я опять ушел.

– Зачем же?

– Да я ему молился, говорил: позвольте, стану работать. Не позволил. «Сиди, говорит, всем напоказ. Это тебе наказание». – «Коли, говорю, хотите наказывать, так высеките, говорю, меня, чем буду сидеть всем на смех». Не уважил, не высек. Как зазвонили на обед, ребята пошли обедать, и я ушел, да за деревней меня нагнали.

– Ну?

– Ну, тут-то уж он меня и обидел больше.

– Чем же?

Мужик законфузился и отвечал:

– Я этого не могу сказать.

– Да, а нужно, – говорю, – сказать.

– На нитку привязал.

– Как на нитку?

– Так, – покраснев до ушей, нараспев проговорил Николай Данилов. – Привел к заводу, велел лакею принести из барских хором золотое кресло; поставил это кресло против рабочих, на щепе посадил меня на него, а в спинку булавку застремил да меня к ней и привя-

зал, как воробья, ниточкой.

Все засмеялись, да и нельзя было не смеяться, глядя на рослого, здорового мужика, рассказывающего, как его сажали на нитку.

– Ну, и долго ты сидел на нитке?

Николай Данилов вздохнул и обтерся. У него даже пот проступил при воспоминании о нитке.

– Так целый день вроде воробья и сидел.

– А вечером пожар сделался?

– Ночью, а не вечером. В третьи петухи, должно, загорелось.

– А ты как о пожаре узнал?

– Крик пошел по улице, я услышал; вот и все.

– А до тех пор, пока крик-то пошел, – спрашиваю его, – ты где был?

– Дома, спал под сараем.

Говорит это покойно, но в глаза не смотрит.

– Ну, а управителя, – спрашиваю, – как выгнали?

– Я этого ведь не знаю ничего.

– Да ведь, чай, видел, как его перед заводом на кулаки-то подняли?

Молчит.

– Ведь тут уж все были?

– Все.

– И все, должно быть, били?

– Должно, что так.

– И ты поукладил?

– Нет, я не бил.

– Ну, а кто же бил?

– Все били.

– А ты никого не заметил?

– Никого.

Взяли Николая Данилова в сторону и начали допрашивать ночных сторожей, десятников, Николаевых семейных, соседей и разных, разных людей. В три дня показаний сто сняли. Если б это каждое показание записать, то стопу бы целую исписал, да хорошо, что незачем было их записывать; все как один человек. Что первый сказал, то и другие. А первый объяснил, что причины пожара он не знает; что, может, это и заподлинно поджог, но что он сам в поджоге не участвовал и подозрения ни на кого не имеет, опричь как разве самого управителя, потому что он был человек язвительный, даже мужиков на нитку вроде воро-

бьев стал привязывать. Управителя же никто не выгонял, а он сам по доброй воле выехал, так как неприятность ему была: кто-то его на пожаре побил.

– Кто ж бил-то?

– Не знаем.

– А за что?

– Должно, за его язвительность, потому уж очень он нас донял: даже на нитку вроде воробьев стал привязывать.

Следующие девяносто девять показаний были дословным повторением первого и записывались словами: «Иван Иванов Сушкин, 43 лет, женат, на исповеди бывает, а под судом не был. Показал то же, что и Степан Терехов».

Вижу, пойдет из этого дело ужасное. Подумал я, подумал и велел Николая Данилова содержать под присмотром, а становому с исправником сказал, что на три дня еду в О—л. Приехал, повидался с правителем, и пошли вместе к губернатору. Тот пил вечерний чай и был в духе. Я ему рассказал дело и, придавая всему, сколько мог, наивный характер, убедил его, что собственно никакого бунта не было и что если бы князь Кулагин захотел простить своих мужиков, то дело о поджоге можно бы скрыть, и не было бы ни следствия, ни экзекуции, ни плетей, ни каторжной работы, а пошел бы старый порядок и тишина.

Слова «порядок и тишина» так понравились губернатору, что он походил, подумал, потянул свою нижнюю губу к носу и сочинил телеграмму в шестьдесят слов к князю. Вечером же эта телеграмма отправлена, а через два дня пришел ответ из Парижа. Князь телеграфировал, что он дает мужикам амнистию, с тем чтобы они всем обществом испросили у г-на Дена прощение и вперед не смели на

него ни за что жаловаться.

Приехал я с этой амнистией в Рахманы, собрал сходку и говорю:

– Ребята! так и так, князь вас прощает. Я просил за вас губернатора, а губернатор – князя, и вот от князя вам прощение, с тем чтобы вы тоже выпросили себе прощение у управителя и вперед на него не жаловались понапрасну.

Кланяются, благодарят.

– Ну, как же? Надо вам выбрать ходоков и послать в город к управителю с повинной.

– Выберем.

– Нужно это скоро сделать.

– Нынче пошлем.

– Да уж потом не дурачиться.

– Да мы неш сами рады! Мы ему ничего; только бы его от нас прочь.

– Как же прочь! Князь понимает, что вы теперь будете жить с Деном в согласии.

– Это опять его, значит, к нам? – спросили разом несколько голосов.

– Да, а то что ж я вам говорил?

– Та-ак-то! Нет; мы на это не согласны.

– Вы ж сами хотели нынче же послать хо-

доков просить у него прощения.

– Да мы прощения попросим, а уж опять его к себе принять не согласны.

– Так следствие будет.

– Ну, чтт будет, то нехай будет; а нам с ним никак нельзя обиходиться.

– Что вы врете! Одумайтесь: вас половину посылают.

– Нет! нам с ним невозможно. Нам куда его, такого врага, девать некуда нам его.

– Да чем он вам враг?

– Как же чего еще не враг! Мужика на нитку, как воробья, привязывал, да еще не враг?

– Да забудьте вы эту дурацкую нитку! Эка штука большая! Небось лучше бывало при самом князе? Не издыхали, садовые дорожки подчищавши; не гляживали, как воронье на конюшне стоят?

– Ну, дарма. Он господин, его была и воля; а уж этакое, как управитель, он все ж не делал. Господи помилуй! – на нитку вроде воробья сажать... чего мы над собой, сроду родясь, не видывали.

– Подумайте, ребята!

– Что думать! Думано уж. С ним до греха еще хуже дождешься.

– Ну, он уж не будет вас на нитку привязывать. Я вам ручаюсь.

– Он другое измыслит над нами не хуже этого.

– Что ему измышлять?

– Он язвительный человек такой.

– Полноте, ребята. Надо губернатору ответ дать.

Пауза.

– Что ж! Мы прощенья просить готовы.

– А управителя примете?

– Этого нельзя сделать.

– Да отчего нельзя-то?

– Он язвительный.

.....

.....

Ничего больше от рахмановских мужиков не добились, и пошло уголовное дело, по которому трое сослано в каторжную работу, человек двенадцать в арестантские роты, остальные же высечены при земском суде и водворены на жительство.

Впервые опубликовано – журнал

«Якорь», 1863.